

Борис Ганкин

ВЕРНОСТЬ СВЕТУ

**Борис
Ганкин**

**ВЕРНОСТЬ
СВЕТУ**

Минск
«Мастацкая
літаратура»
1994

ББК 84Р7
Г19
УДК 882-1

* * *

*Что будет впереди? Какие дали,
какие тени поджидают там?
Куда так тороплюсь я по годам,
захвачен жизнью и смущен едва ли
тем, как летит стремительно она?
Что будет впереди?*

*Одно лишь ясно:
что было раньше — было так прекрасно,
что я уж сед, а жизнь — всегда весна.*

Г 4702010202—066 39—93
М 305(03)—94

© Б. А. Ганкин, 1991

Звездный путь

* * *

И в сумрачные дни, когда дожди и грязь,
и в дни, когда цветет земля под небесами —
меж Солнцем и Землей нерасторжима связь,
и звездный свет надежд всегда горит над нами.

* * *

На Шорной улице весна звенела,
над Шорной улицей луна плыла...
Там скрипка юности моей запела
и в тихий палисадник увела.

Была девчонка — две косички черные,
слова нашлись — нужнее в мире нет!
Исток апрельский мой — родная
Шорная,
ручьём бегущая из давних лет.

Все про меня всегда, конечно, зная,
дарила Шорная мне смех и грусть...

Под скрипку юности не умолкавшую
я с каждым годом медленней кружусь.

ПОСЛЕДНИЕ МОРОЗЫ

Последние морозы ударили с азартом,
кнутами трещин щелкнув, раскалывали лед:
так скованная Нарочь под синим небом марта
старалась подогнать весну хоть чуточку
вперед.

Март лихо начинался: под щелканье мороза.
В нем не было, казалось, намека на весну.
Но заблестели к полдню на хвое капли-слезы,
и ветер весело взлетал, как белка, на сосну.

Милльоны блесков щедро разбрасывало утро,
горел, переливался, сверкал на солнце снег.
На соснах — тонкий иней, как будто сосны —
в пудре.

Весна, как лыжница, неслась — и был
прекрасным бег.

А к вечеру все снова, синяя, остывало.
Мороз кнутами трещин пощелкивал опять.
И скованная Нарочь устало засыпала,
чтоб ранним утром сонный март опять в бока
толкать.

В НАЧАЛЕ ТАЯНИЯ СНЕГОВ

Снег, как полиэтиленовая пленка,
на лугах еще натянут тонко.
Но щетки прошлогодних трав
протыкают пленку непрестанно
и рыжеют весело и странно,
холод марта дерзостно поправ.
Вся земля сверкает, как теплица...

Поспешим же светом насладиться!
И в несмелом мартовском тепле,
как росток, проклюнется, воскреснет
новая ликующая песня —
нам теплее станет на земле.

* * *

Вересковый цвет тугой
покачулся под ногой.
Чуть задел жасмина куст —
слышу ветки тихий хруст.
А по взгоркам без конца —
скромный отсвет чебреца.

Так и бродим мы без слов
по коврам трав и цветов,
как по прожитым годам,
где дышалось сладко нам,
где и вереск, и жасмин,
и чебрец — как сон один,
где в погожий жизни час
вдруг любовь коснулась нас.

Дни, весной освещены,
памятью освящены.

* * *

Когда цветут и вишни, и черешни,
когда восходит майская луна —
вновь весел я, счастливый юный грешник,
хоть голову венчает седина.

Хмельные соки в сердце ударяют,
и поцелуи прежние опять
во мне поют, бунтуют, и играют,
и гонят в ночь, и не дают мне спать.

Ищу я глаз таинственную просинь,
в которой в годы прежние тонул.
И что мне годы, что зима и осень,
когда мне май весну на миг вернул!

* * *

Сломало яблоню.
Но в мае,
как поминальную свечу,
она соцветья поднимает
навстречу майскому лучу.

Не так ли и меня ломают
ветра годов который раз,
а я любовь приподнимаю
навстречу солнцу
в майский час.

И верю, что моей любимой
захочется в конце концов
однажды, пробегая мимо,
в соцветья окунуть лицо...

* * *

Утолить свою жадную душу
свежим ветром и солнечным светом,
птичьим щебетом раннего утра
и счастливым дыханьем весны,
становиться с годами все лучше,
все щедрей и богаче при этом,
и когда-нибудь сделаться мудрым,
и увидеть веселые сны...

Столько в жизни тревог и печалей,
и потерь невозвратных познаем,
чтобы каждое жизни мгновенье
научиться ценить и любить!
Вот рассвет тронул розовым дали,
вот дорогу опять начинаем,
понимая, что жадную душу
никогда не дано утолить.

* * *

Свойство юных — беспечно купаться
в животворной реке наслажденья,
знать не зная, что в клятвах таятся
горьковатые зерна забвенья.

* * *

Этих ступенек клавиши
много ног перебрало,
чтобы мелодия дружбы
в доме моем звучала,
много глаз улыбалось,
когда открывал я дверь,
много любви скопилось —
я самый богатый теперь!

* * *

Холодный ум. Холодная душа.
Не растопить ничем мне холод этот...

Но как она безумно хороша!
Душа — зима. Но оболочка — лето
во всем цветенье васильковых глаз,
ржаных волос, румяно-нежной кожи...

И я штурмую льды в который раз —
и падаю без сил у их подножья.

* * *

Вдруг сузился мой мир,
огромный до сих пор,
до твоего лица, румяненного солнцем,
до глаз, в голубизне которых я тону,
до губ, к которым так сладко
мне губами прикасаться,
до ушка,
которое согреть мне хочется
прерывистым дыханьем,
и до волос,
которые лицо огнем веселым обжигают.

Вдруг сузился мой мир —
и оказалось,
нет у него пределов никаких,
и горизонта не могу достигнуть,
и высота его — до самых звезд,
а глубина — до любящего сердца.

* * *

Подозревал ли, что душа
осталась невредимой?
Могу следить я не дыша
за женщиной любимой,
секунды без нее считать,
по городу метаться,
за прошлое переживать
и к будущему рваться.
Подозревал ли, что и мне
в мои года доступно
и задышаться в тишине,
и ставить ставки крупно:
на кон — всю жизнь!
И не жалеть,
что можно проиграться —
пропасть, разбиться, умереть,
без ничего остаться!

* * *

Жаркий поток моих слов,
взошедший
словно зари всезжигающий свет...

Не говори никогда:
«Сумасшедший...»
А говори иногда:
«Поэт!..»

* * *

Так случилось со мною, что стразы
принимал я порой за алмазы.
А чистойшей воды был алмаз
мне подарен хоть поздно, но все же...
Как тебе благодарен я, Боже!
Ты меня от незнания спас.
Что ни грань — многоцветье такое!

И теперь я не знаю покоя:
все люблюсь алмазом, а он
рассыпает цветы и соцветья,
я отныне его многоцветьем
напоен, ослеплен, упоен...

УТРО НА РЕКЕ

С утра, когда скрипят уключины
и лодка двинулась вперед,
ленив сначала мыслей ход,
как будто мысль полуотключена.
Туман струится. Как во сне,
плывут навстречу очертания
откосов, спящих, словно здания,
ив, руки тянущих ко мне.
Туман струится...

Но рассвет,
горящий как бы в полнакала,
берется за дела сначала,
всерьез включая солнца свет.

Туман рассеялся. И вот —
все веселей скрипят уключины,
и рукава уже засучены,
и мысль пошла на полный ход:
то в прошлое нырнет она,
то нынешнее взвесит снова
и вдруг легко найдет основу —
мечту для будущего дня.

У края, залитого солнцем,
над пропастью, как над колодцем,
стал тонконогий стригунок
и смотрит вниз — в ущелье, что ли? —
и так он мал, так одинок
на фоне гор, что сердце болью
кольнуло: вдруг еще шагнет —
и рухнет вниз, и пропадет?!
Но тут, откуда ни возьмись,
заржав тревожно
(«Не сорвись!» —
то ржанье, верно, означало,
по крайней мере, так звучало...),
к нему примчалась кобылица.
И не могли мы надивиться,
как осторожно стригунка
мать от обрыва отводила,
как тяжело переводила
дыханье: белые бока
ходили часто и устало...
Бежал беспечно стригунок,
мать ласково и тихо ржала.
Как ярко-рыжий уголек,
на склоне солнце догорало.
Катилось эхо далеко.
Все стало просто и легко.

Горы выгнули длинные спины:
греет старые кости хребет.
Солнце ягодой спелой малины
вниз скользнуло — и вмиг его нет.

Темнотой нас враспloh захватило,
накатил на тропу холодок,
на сыпuxe у скал закрутило
сдутый с гор серебристый снежок.

Сквозь шиповник продравшись
колючий,
не сдаваясь теням и снегам,
шла тропа наша выше и круче
к очень близким уже ледникам.

Небо синим кристаллом светилось,
стало тихо в предчувствии сна...
Желтой сливой бесшумно катилась
из ущелья по склону луна.

БАШНИ ВЕРХНЕЙ БАЛКАРИИ

Круглые сутки— лишь тишина
хозяйка старинной башни.

Башня над кручей горбата, черна,
как ведьма. А нам не страшно!
Немощным стал вражды ураган,
когда-то кусавший сердито...

Утром примчался сюда мальчуган,
глянул на нас деловито,
потом — на башню. И вот уже
полез по стене так шустро,
что где-то вверху, на пустом этаже,
качнулось солнце, как люстра.
И камни под теплые пятки, смотрю,
подставила башня с любовью —
та башня, где в прошлом часто зарю
окрашивали лишь кровью.
Вот мальчика, словно цветок, она
бережно держит на крыше,
откуда и звонкая даль видна
и небо — небес всех выше.
Вершины — фрегаты бесшумно
скользят
по синему морю неба...

Эх, лет бы на сорок сбежать назад,
сделаться мальчиком мне бы!

А впрочем, года не мешают мне
долгими быть часами
с горами и небом наедине,
накоротке — с веками.

* * *

Ворчливый и умелый ювелир,
Ингури дарит блеск камням прибрежным,
то злобно проклиная этот мир,
то башням песни напевая нежно.

А башни греют старые бока
и черные зияющие раны...

Над Местией гуляют облака,
как в небеса забредшие бараны.

* * *

Геологи твердят:
«Милльоны лет!»

А я смотрю на утренние горы
и думаю:
«Как молод этот свет
и как мне будет жаль уйти так скоро!..»

Приснилось: твои волосы, их запах, мое лицо утонуло в них и стало нестерпимо горячим...

Приснилось: твои глаза стали двумя льдинками, твой голос стал сухим и ломким, ты сказала: «Прощай...»

И лицо мое стало нестерпимо холодным.

И я проснулся пустым.

Палатку качал ветер. Спали друзья. Дыханье близких ледников выстудило мир.

Холод в сердце не давал мне покоя: что с тобой? откуда льдинки глаз? как ты там, дома?

Господи, спаси мою любовь!

А утром, когда поскакали навстречу нам по леднику первые ручейки, звеня и веселясь, как детишки...

А утром, когда тяжелые рюкзаки отогрели дыхание и все ближе к нам становилось небо...

А утром я понял: нет, не исчезнет любовь, звонкая, как ручейки, жаркая, как утренние вершины, необходимая, как дыхание, необъятная, как небо!

Волосы-лучи коснулись моего лица. И лицо мое стало нестерпимо горячим.

Случайно выживший на белом камне мак — подарок сердцу на пути к вершине.

А солнце обжигает известняк, а крымский ветер гладит Чатыр-Даг, а море там, внизу, играет синью.

И вдруг в пожаре первомайских дней — снега и тени в трещинах камней.

И сочетанья:

мака — с камнем белым,
жары — со снегом, моря — и вершин,
пугливой тишины — и битвы смелой
за жизнь

нас потрясают до глубин

и учат:

что бы ни случилось с нами,
в родную почву уходить корнями.

Заката догорел костер.
И ночь прошла. И день явился.
Лугов, лесов, полей простор,
как фотоснимок, проявился.

Все четче поле, луг и лес —
встает рассвет неумолимо.
Холодная зола небес
бесшумно пролетает мимо.

И набежавший ветерок
с веселой силой раздувает
востока жаркий уголек:
вновь небо вспыхнуть обещает.

Как раскалилось, как пошло
по краешку играть огнями!
Тропы заветное тепло
с рассвета снова правит нами.

Идем, участники игры,
по нежной акварели лета,
душой — на стороне зари
в извечной сшибке тьмы и света.

Там, в небесной печи,
кочергою ворочает кто-то:
вспышки дальних зарниц
над хребтами сверкают вдали.
Может, снова ведет бой тяжелый стрелковая
рота,
чтоб на юг егеря «Эдельвейса» пройти
не смогли.
Вспышка вырвет из мглы лед, тропу
и нависшие скалы,
по штыку обелиска скользнет и погаснет
огонь...

И нелегкая память на души ложится
обвалом —
так лавины рождаются,
камешек малый лишь тронь.
Встал Кавказский хребет,
задержавший тяжелые тучи
и штыками вершин разметавший ненастья
напор.
Обелиск у тропы — в чутком сердце осколок
колючий:
лишь увидел его, и болит мое сердце с тех
пор.
Не прошли егеря.
Но легла и стрелковая рота.

А тревога жива.
Стоит только увидеть с земли,
как в небесной печи
кочергою ворочает кто-то,
и бесшумные вспышки бегут над хребтами
вдали.

НА УЛИЦЕ

Улюлюкали вслед и свистели.
А девчонки так гордо прошли,
словно грубостью их не задели,
душу пошлостью не обожгли.

Не узнаю, как было им после.
Но, бессильный пред стаей волчат,
задрожал я от гнева и злости,
ощущая: и я — виноват.

Среди многих житейских изъянов —
каждый нынче на хамство мастак!
А теперешние д'Артаньяны
лишены, к сожалению, шпаг.

* * *

За радугу, как за рычаг,
возьмусь — и опрокину
вам на колени просто так
цветущую долину:
ее сады, ее цветы,
всю музыку июля,
чтоб в свежесть этой красоты
лицо вы окунули
и благодарные глаза
в глаза мои смотрели,
а все, кто нам кричит:
«Нельзя!» —
внезапно онемели.

* * *

Бог Иешуа, Иегова, Будда, Вишну!
Я всех богов на помощь призову,
чтоб милая моя сказала: «Слышу!»
и прощентала: «Я тобой живу».

Пусть будет все — от края и до края,
пусть улыбнутся боги с высоты.
И не в любви ли все мы открываем
вершины счастья, глубину беды?

Услышьте, боги, голос мой несильный:
любые жертвы вам нести готов!

Глаза любимой обжигают синью,
их цвет — от неба,
где приют богов.

* * *

Ты сказала:
— Боречка...
Ты сказала:
— Боря...
Это была — музыка.
Как легко тебе быть гениальным композитором!

НЕЖНОСТЬ

Услышу голос твой по телефону —
нахлынет нежность на меня волной.

Увижу, как идешь легко и быстро —
нахлынет нежность на меня волной.

Виском коснусь виска, щекой — щеки —
нахлынет нежность на меня волной.

А наши руки встретятся случайно —
нахлынет нежность на меня волной.

И как моряк среди морской безбрежности,
я затеряюсь в теплых волнах нежности.
Полузакрытые глаза глядят в глаза —
и вот уж новых слов найти нельзя,
и оторваться даже взглядом невозможно...

Жить в нежности так просто и так сложно!

Когда уходишь — долго вслед тебе смотрю.
Нахлынет нежность на меня волной.
И жду звонка. И вспоминаю бесконечно.
Купаюсь в нежности.
Жду вечно.

* * *

Переплавляя в серебро луну,
серебряный расплав качает море.
На два часа отходит день ко сну —
рассвет румяный народится вскоре,
и к небу вознесется чаек крик
над морем, словно музыка над сценой,
и станет золотой волна на миг —
и я пойму, что этот мир бесценен.

* * *

Напелось, нагулялось лето всласть.
Пришла пора задумчивости тихой,
и осень — пожилая щеголиха —
одеждой золотой обзавелась.

Она идет, роняя на ходу
то веер-лист, то золотую брошку.
И водит память нас одной дорожкой
в пустынном засыпающем саду.

* * *

Бездонное озеро за Негорелым —
глазам наслажденье, покой для души.
Черничники там и грибы хороши,
там солнце не раз нас в дороге согрело.

Дымит смолокурня. Течет скипидар.
Нас запах его опьяняет и лечит.
Лишь только на мхи опускается вечер —
туман над водою качнется, как пар.

Серебряный слиток воды заблестит,
качнутся созвездья на елях и соснах,
и станет прохладно от свежести росной,
на сердце от нежности вдруг защежит...

* * *

Не бросить. Не оставить. Не уйти.
Другой мне жизни просто и не надо.

Бывает мне невесело в пути,
но все свое всегда бывает рядом.
Все, что в пути накоплено душой,
все нынешнее с будущим — на этих
взрастающих под соснами весной
принеманских чарующих соцветьях.

* * *

Растаяла молодость наша.
Совсем незаметно для глаз
девчонки — Марина, Наташа,
Лариса, Валюша и Саша —
в бабулечки вышли сейчас.

Как быстро прошли мы дороги!
И носятся внуки вокруг
под нежными взглядами добрых,
когда-то прекрасных и строгих,
желанных и нежных подруг.

И ветром насквозь продуваем,
ищу я при встрече черты
тех лиц, отрумяненных маем,
которые припоминаем
и нынче, как лик красоты.

* * *

Как страницы книги, ветер
листья утром перебрал,
пару строчек оторвал —
и звучат на белом свете,
неназойливо-тихи,
поздней осени стихи.

* * *

В сырой и горький молочай
осенние дожди стучатся.
А память к лету невзначай
вдруг начинает возвращаться.

Опять мне снится по ночам
тропы счастливое круженье
по перелескам, по борам,
под шум листвы, под птичье пенье.

Колодец, где о сруб бадья
стучит дубовыми боками,
где пью мгновенье погода
не воду — молодость — глотками.

Ночной костер и дымный чай,
палатка, звонкий юный ливень.
Сырой и горький молочай.
А поутру — твой взгляд счастливый.

* * *

Недолго были мы одни
в объятьях розовых мечтаний...

Стоят мои пустые дни
среди полей воспоминаний.

1

У наших девочек —
заплатки на чулочках,
и платья в клетку,
и в косичках ленты.
Но только им и посвящают строчки
в своих тетрадках школьные поэты.
Невыливайки в маленьких мешочках
и перья драгоценные в пеналах.
В словах, послушно прыгающих в строчки,
и мастерства, и новизны так мало!
Но искренность в них светиться хрустально,
но чистота весенняя не тает...

Прошли года.
А на дорогах дальних
те девочки созвездьями сверкают.
Сегодняшние все — в колготках тонких,
и платья — хоть на бал, и сигареты,
и косы — прочь!
Но нынешним девчонкам
все так же пишут школьные поэты...

2

Сколько мы не виделись, Наташа?
Может, двадцать, может, тридцать лет...
Я теперь ищу в улыбке Вашей
давешней улыбки юный свет.
Нахожу с трудом в глазах пригасших
отблеск животворного огня...
Эта встреча с нынешней Наташей
обкрадет еще чуть-чуть меня.
Если бы не трудная привычка —
каждый день хоть что-нибудь терять —
на воспоминаний перекличке
было бы мне трудно устоять.
Но стою. И улыбаюсь сладко,
комплименты весело твержу...
А в руке — не школьную тетрадку,
а бидончик с молоком держу.

* * *

Мышка хвостиком махнет —
всю посуду перебьет.
Слово выскользнет, как мышка.
жизнь в тартарары уйдет.

Я беспомощно раним
то ли взглядом голубым,
словом ли неосторожным,
или холодом твоим.

Но ответить не хочу.
Стисну зубы. Промолчу.
Мудрым быть, любовь спасая,
самого себя учу.

* * *

Упасть на мхи,
сквозь ветви елей
смотреть в отмытый небосвод,
почувствовать, как еле-еле
осеннее тепло плывет,
как над последней паутиной,
над солнечною синевою,
над тонкой красною рябиной,
над поседевшей головой,
над всей лесной шуршащей ширью,
над ягодой брусникой вновь
поет невидимая миру
моя весенняя любовь...

Итожит осень достижения и утраты...
Дрожит над яблонями предзакатный луч...
О жизнь, была безоблачной с утра ты,
откуда натянуло столько туч?

Как быстро полдень мой промчался мимо!
Теперь с печальным трепетом ловлю
по-прежнему прекрасный взгляд любимой
и говорю ненужное: «Люблю!»

Румянец яблонь в тишине заката,
воспоминаний невесомый рой...

Забывать бы хоть на миг свои утраты
и окунуться в утро с головой!

Межозерье — леса и холмы —
чуть подкрашено осенью нынче.
Журавли над лесами курлычут,
им с земли откликаемся мы.

А потом, опустивши глаза,
вновь любуемся красками леса.
Паутинку, как тонкую леску,
опустила с обрыва лоза.

Солнце скоро за лес ускользнет,
опускается ниже и ниже.
Тень вечерняя ближе и ближе
к костерку незаметно ползет.

И гитарные струны мой сын
тронул — тихо струятся напевы.
Межозерье — и справа, и слева
двух озер бесконечная синь.

* * *

И в белых, и в розовых пышных цветах
девчонка-весна мне являлась.
Мелькала потом в моих радостных снах —
а вот наяву не встречалась.

Держа васильки голубые в руке,
шла девушка-лето лугами,
и вскоре исчезла она вдалеке,
чтоб изредка сниться ночами.

Неужто и женщина-осень пройдет
с букетами листьев опавших,
чтоб сниться зимою всю ночь напролет
под песенки вьюг загулявших?

* * *

Под сосной ли, под березой
напоследок ручейком
прозвенят под осень слезы —
и покроются ледком.
Под сосной ли, под березой
прозвенит последний смех —
и, подхваченный морозом,
обратится в первый снег.
Что на свете все конечно:
смех и слезы, лед и снег —
это знает и беспечный,
и серьезный человек.
Но живем мы, словно грозы,
для кого-то — не для нас...

Ах, как сосны и березы
хороши в рассветный час!
Зелень хвои, желтых листьев
удивительный полет...

Без конца под небом чистым
жизнь прекрасная идет.

* * *

Не троньте, годы, милую мою!
Все, что вам нужно, у меня возьмите.
Она — мое великое открытие.
Не троньте, годы, милую, молю!

И до конца моих недолгих дней
сил разрушенья на нее не тратьте,
любовь мою нетронутой оставьте
и после жизни солнечной моей!

* * *

Наступила пора изобилия лунного света,
наступила пора дефицита на солнечный свет.
Наступила пора вспоминать про ушедшее лето
и в январские стужи разыскивать прошлого
след.

И спасительно вдруг пробежится по лунной
дорожке,
утопая в сугробах, веселая память о том,
как блестела луна на дождинках в ольховых
сережках,
и тонули рассветы в молочном тумане густом...

ГОРСТЬ БРУСНИКИ В ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Ягод теплое сиянье, согревающее в стужу.
Свет, как ягоды, хранила и хранит моя душа.

Ягоды — как спички: память светом полыхнула
тут же,
дует ветер, снег несется,
жизнь мила и хороша.

Что за радость — память наша, напоенная
годами,
память сердца, память зренья, память зрелого
ума.
Взял бруснику — прошлым солнцем озарился
мир над нами,
и бессильно опадает, как в лучах рассвета,
тьма.

Запах ягод, запах солнца, запах просини
осенней
переполнят мир — на помощь только память
призови.
Свет и теплое дыханье — наше позднее везенье
на декабрьских пепелищах
да на ягодной крови...

СТАРАЯ БЕРЕЗА

Морозобоиной расколот ствол.
Скрипит под ветром старая береза.
Но держит лист, хотя ноябрь пришел,
хоть рядышком — дыхание мороза.

Ее живучесть поразит меня,
у дерева уроки брать и мне бы:
до крайности, до ледяного дня
держат листву под хмурым низким
небом.

С листвой, ее свеченьем жить теплей.
Скрипит береза во дворе, пылает.
Морозобоин на душе моей
в преддверье новых холодов хватает...

* * *

Угольком, присыпанным золой,
незаметно тлеет в сердце детство:
чуть подует ветерок — живой
огонек взлетает надо мной.
Угольком, присыпанным золой,
первая любовь таится в сердце,
согревает в зимнюю минуту,
всходит голубым цветком весной.

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Казалось, нет места живого
на послевоенной земле.
Смолюю стекала тревога
из ран на побитом стволе.

И поле дышало печалью,
взрыв к небу метнул первый плуг,
когда он отточенной сталью
о мину ударился вдруг.

Казалось, в развалинах ветер
навек приютился тогда,
а если что вечно на свете —
то это людская беда.

Но листья на почках пробилась,
погибли не все зеленыя,
окошки землянок светились,
и школа росла для меня.

Безветрие. Шел первый снег густой.
Мир на глазах солдат преобразился
и, обновленный, радостно светился,
сверкая зимней мирной чистотой.

Снег — марля на огне солдатских ран.
Сгоревший танк укрыл он на полянке,
и медсанбата скорбные землянки,
и братские могилы, и бурьян.

Безветрие. И лейтенант Петров —
вчера лишь из училища! — смеялся
и на лету рукой поймать пытался
снежинки, словно летом — комаров.

А к вечеру из белой пелены
пошли на роту танки и пехота,
и, умирая, отбивалась рота,
и снег сжигали красные огни.

Полуоглохший, в мятой серой каске,
Петров спокойным был среди огней,
как будто оставалось много дней
в его короткой жизни лейтенантской.

Человек, которого он предал,
гнил в далеком лагере давно.
Он же спал спокойно и обедал,
отдохнув, ходил с женой в кино.

И жена, и дети Человека
растворились в ссылке на года.
А ему казалось, что навеки
будет так. И для других беда.

Но закон один у стаи волчьей:
сильный глотку слабому дерет.
И за ним пришли однажды ночью,
тот же черный «ворон» у ворот.

И в последний миг у той же стенки
как же выл и как же плакал он,
как дрожали слабые коленки!

...Страшный ход тех сталинских времен:
строились цепочкой друг за другом
под присмотром своры палачей...

И была свободной только вьюга —
вольный гений лагерных ночей.

Идеализм — порок интеллигентов.
Они всегда витают в облаках,
а в трудные истории моменты
хрустят у Хватов всяческих в руках.

Идеалисты жаждут мир наполнить
добром. Но Хваты — начеку пока,
и тут как тут, лишь миг придет напомнить
идеалистам силу кулака.

В руках у Хватов плакали Вавилов,
Чаянов, Мейерхольд и Мандельштам,
а клеветы наточенные вилы
вонзались в человечество, как в хлам.

Но чуть отпустит, потеплеет снова —
интеллигенты верят в идеал,
хоть новый Хват, прислушиваясь к слову,
в углу укромном вилы приподнял.

Трусливый раб, себя я ненавижу
за робость бесконечную во всем!
Во тьме ночной за ледяным окном
Ахматову среди снегов я вижу.

Ее глаза полузакрыты. Но
их свет расплавит, кажется, окно —
и в тот же миг все вихри мира разом
ворвутся в мою душу, чтобы раб
во мне исчез, чтоб стал могучим разум,
который долго был от страха слаб.

Воспрянь, мой ум! Душа, откройся воле!
Необходима чистка всем и вся.
Когда клещом страх в каждого впился,
энцефалитом-страхом каждый болен.

Гляжу в окно. А там, где снег метет,
выздоровленье медленно идет.

Гус, восходящий на костер.
Сократ, спокойно взявший чашу.
И Галилея грустный взор.
Мечта в огне.

А что же — дальше?
Не став ни лучше, ни честней,
толкаясь у кормушки тесной,
увы, все наши интересы
опять вместили только в ней.
Пророки гневно возопят
над нашим стадом.
Все напрасно.
Дымы костров, таких ужасных,
пустые очи не едят...

И разве ль мы не идиоты,
что столько лет и столько дней
послушно тьякали по нотам
гимн извергам страны своей?

Всё знали, видели, а — пели,
всё понимали — а в хору,
и ноты пропустить не смели,
и в хор спешили поутру.

Где те, кто петь не в лад пытался?
Иных уж нет, далече те...
Страна, где каждый промотался,
живет сегодня в нищете.

Кого бы ни винили, сами
мы виноваты, это так.
Да и сейчас еще над нами
витают тот же цепкий страх.

Жизнь доказала нам уже,
что дух зависим и от плоти:
когда вы голодно живете —
то нет покоя и душе.

Вот весь ответ на тот вопрос,
который задан был когда-то:
откуда сила у Пилата
и отчего так слаб Христос.

Мы жили как на гауптвахте.
Из года в год, из года в год,
ломая собственный характер,
покорно воли ждал народ.

Он так привык к своей неволе,
что, кажется, не замечал
ни ущемления, ни боли,
и не стонал, и не кричал.
О сила вечная привычки!
Свободу получив свою,
привычно взглядом ищем лычки
тех, кто командует в строю.
И не находим. Как-то дико,
что можем жить, дышать, идти
без понукания и крика,
доверяясь своему пути.

Заочно не дано ни дать, ни взять,
ни жить заочно, ни любить заочно.
Все в этом мире выверено точно:
и боль, и счастье — шкурой ощущать.

Бывает, удастся, но на миг
попытка увильнуть от непогоды.
Но жизнь — не миг, а годы, годы, годы,
и смех порою переходит в крик.

И горько мне родных людей терять,
и больно мне с любовью расставаться...
А все же счастье — очно обжигаться,
и очно брать, и очно отдавать.

Горький возраст,
когда матерей и отцов мы теряем,
и, никем не прикрыты,
на первом стоим рубеже.

Грустный возраст,
когда в молодых неудачно играем,
постигая с трудом,
что не молоды все мы уже.

Гордый возраст,
когда и уменье, и знанье находим
и любая работа
подвластна рукам и уму.

Мудрый возраст,
когда сыновей на дорогу выводим
и уже разобратся успели,
зачем мы живем и к чему.

В нашем хоре не солистом
был отец мой — был хористом.
Но за долгие года
не сфальшивил никогда.
Песню жизни спел он чисто,
что не каждому солисту,
к сожалению, дано,
как известно всем давно...

Говорю, как говорили в старину:
«Папа высоко теперь вознесся...»

А покоя нет. Увы, не просишь
неба вижу — вижу глубину
черной ямы...

Вижу — а твержу:

«Папа высоко теперь вознесся...»
Словно сердце утешенья просит,
и во лжи его я нахожу.
Шелестит у кладбища лесок,
слышу говорок берез и сосен.

«Папа высоко теперь вознесся...»
И течет передо мной песок.

Цикута многих бед испита мной сполна.
А я себе живу и радуюсь тому,
как солнце бьет в окно,
как в берег бьет волна,
как мил любимой взгляд,
как мысль верна уму.

Душа всегда ждала чего-то,
она всегда жила в заботах,
чего-то в сутолоке дней
для счастья не хватало ей.

И только боль потери страшной
открыла беспощадно мне,
что счастье было во вчерашнем
обычном суетливом дне...

Остатки прежних болей
всегда живут во мне,
их более, чем боле,
приходит в тишине.
Со всеми я сроднился:
вот эта боль — от дней,
когда еще учился
я азбуке болей,
а эта — от паденья,
а та — от темноты,
вот боль от пробужденья,
вот боль от суеты...
Полвека набирались
в душе моей. И вот
заньли, заметались
и взяли в оборот.
Но, говорят, остались
главнейшие из них
на сумерки, на старость,
на вечер дней моих.

* * *

Мечутся реки: в ущельях им тесно —
камни их давят, скалы их жмут.
Реки бунтуют, гневные песни
без передышки надрывно поют.

Только у моря, попав на равнину,
словно бы разом стареет вода:
тихо грустит — ведь родную теснину
ей не увидеть уже никогда.

Так же и я тосковал и метался,
не понимая, чего я хотел,
сразу за тысячи дел принимался,
тут же бросая тысячи дел.

Но отыскалось — время пришло —
дело, которое дорого мне.
К этому делу душа прикипела.
Страстно работаю. Но в тишине

я вспоминаю с любовью метанья,
спору, бессонницы и синяки,
чувствую в сердце и грусть, и молчанье
к синему морю пришедшей реки...

* * *

Какой бы ни была
конкретной жизни повесть,
есть мера ей одна:
была ли чистой совесть?
И меры не найдет иной
никто, поскольку
стоит наш род людской
на совести — и только!

ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР

из лирического монолога

Немного о поэзии

Вглядитесь пристальней, поэты,
в станки, макеты и проекты,
в движенья суппортов, резцов,
в невидимую всем работу —
черчение, долгие расчеты,
эскизы новых образцов.

Как трудно души отворить нам
изобретеньям и открытъям,
когда касаются они
не пи-мезонов, не Галактик,
не Атлантид и не Атлантик,
всем интересным в наши дни,
а рычагов каких-то нудных,
а кулачков каких-то чудных
или коробок передач!

Поэзия —
березы, клены,
синь вод и лес темно-зеленый,
гуляющий по полю грач...

Давно замечено: поэты
и пишут, и поют об этом,
да и читатель любит стих,

где есть рябины или сосны,
где дёвичьи тугие косы
и слов в избытке молодых.
Я сам люблю все это тоже.
Я сам о том пишу... Но все же,
читатель мой, давай вдвоем
пройдем сейчас за проходную,
потом широкий двор минуем
и в цех грохочущий войдем.
По обе стороны пролета
идет обычная работа:
там — точат, здесь — шлифуют сталь,
там — сполохи электросварки,
здесь — кузнецов участок жаркий,
а вот — гальваника... Деталь
переливается огнями.
А цепь уже над головами
ее несет куда-то вдаль,
в другой конец, где ждет нас сборка.
И нам — туда. Смотрите зорко:
с какой размеренностью здесь
деталь к детали крепят люди,
и на глазах рождаться будет
машина — чудо из чудес.

...Как быстро к чуду привыкают!
Ведь наши дети и не знают,
что так недавно нас с тобой
ошеломил вдруг телевизор,
где за большой стеклянной линзой

сиял экранчик голубой.
На «ИЛ-14» когда-то —
не так давно, в шестидесятых! —
летел из Минска в Ленинград.
Казался самолет огромным,
был гул его моторов ровным,
ему, как музыке, был рад.
«Ил» гномом бы казался ныне
в сравненье с новым, бело-синим,
в котором триста человек
со мною на Урал летели!

...Ну вот, мы, наконец, у цели:
машина собрана. Как снег,
бела кабина. Желтый кузов
еще не почернел от грузов.
Колесный диск, как солнце, ал.
И фары засветились ярко.
В распахнутую дверь, как в арку,
уходит новый самосвал.
Красив, как щеголь!
Скажет кто-то:
к чему вся эта позолота?
Машине грузы принимать,
возить руду дорогой горной
и антрацит блестяще-черный
к вагонам черным подавать.
А все же тот, кто сядет первым
за руль, спасибо скажет, верно:
всегда полезна красота,

нам дорога она в машине
не меньше, чем на травах — иней,
чем зелень первого листа.

А нам — сюда, по коридору.
Из-за двери вдруг — звуки спора.
Ну что ж, и мы откроем дверь,
зайдем в отдел, за кульман станем,
привычно карандаш достанем
и — в путь! Как далеки теперь
березы, реки, луг и звезды,
конвейер, гуд мотора грозный:
на острие карандаша,
в сплетениях кругов и линий,
в движении линейки длинной
отныне — вся моя душа.

Нет, к чудесам не привыкают:
трудом их тяжким добывают.
Дорога к истине всегда
ошибками, как льдом, укрыта.
Идей немало перебито
о твердь невидимого льда.

Отступление

Художник, создавший картину,
долго размещивал краски.
Где тень — положил синюю,
где солнце — желтую, красную.

Потом отступил на шаг —
и все зачеркнул: не так!
Он пробовал снова и снова:
живопись — труд суровый.

Поэт доставал из сердца
особенные слова,
складывал их в строчки —
и перекладывал вновь.
Хотелось ему, чтоб строчка была
светла и права,
как светла и права на свете
бывает только любовь.

Как же творит конструктор?
А кто его знает — как!
Он создает редуктор,
картер, колеса, рычаг,
палитра его —
нержавейка или черный прокат,
мольберт — кульман. Линейка.
Опыт — ценней наград.
И так же, как одинаковых нет
художников и поэтов —
нет и конструкторов. Много лет
искал — одинаковых нету.
Только Пушкин «Онегина» мог написать,
только Саврасов — «Грачи прилетели»,
Лишь Туполев «ТУ-104» создать
и лишь Антонов — «Антея».

И потому так и мечтается,
чтоб на станке, на машине, на тракторе,
как авторским правом предполагается,
писали люди фамилию автора.

Провезение

Может, кому-то скучно бывает
или некуда себя деть?
Не от скуки ли оглушает
горькой брагой себя глупец?
Не от скуки — так от безделья.
А вокруг — столько всяких дел,
что глушить себя горьким зельем —
то же самое, что самострел.

Да, тому повезло, кто дело
для себя нашёл по душе.
Для него на снегу белом,
как на вычерченном чертеже,
нарисует воображенье
пару линий — и радость придет.
Дождь прочтет ему стихотворенье,
ветер песенку пропоет.
Тут скучать не придется сердцу:
что ни миг — то оно полно.
Жизнью досыта наглядеться
вдохновенному не дано.
Не насмотрится, не насытится
бесконечной палитрой земли.

Горизонты иные видятся,
как бы много дорог ни прошли.

Будьте счастливы, энтузиасты
трудных буден, жестких дорог.
Новый труд — как подъем неясный
на высокий крутой отрог.
Чем же славен обыкновенный,
шумный, жесткий автозавод?
Тем, что каждого труд непременно
на конвейер главный идет.
Все по капле в машину приходит:
и деталь, и чертеж, и эскиз...

А оценку нам всем выводит
самый Главный Конвейер — Жизнь.
Без задержки ни на мгновение,
без уступок она течет,
признавая одно решение
и движение одно — вперед!
Все устроено в жизни мудро:
день один отошел, звеня,
а в начале конвейера — утро,
утро нового дела и дня.

БАЗАР В КОКАНДЕ

Базар в Коканде — каждому подарок:
речист и весел, празднично шумлив.
Здесь горек перец,
виноград здесь сладок,
увесист помидор и персик ярок,
солен орех и сладок чернослив.
В охотку все идет с лепешкой свежей:
и яблоко, и груша, и арбуз,
оттянет руку дыни лунный груз,
во рту инжир в момент растает нежно...
Все есть в Коканде, только выбирай
покупку по себе — и наслаждайся,
в соблазнах юга весело купайся
и славь кокандский многоцветный рай.

Коричневый лес. Вертолетные гулы.
Облезлые кошки. И солнечный свет.

Быть может, мы просто все вместе уснули?
Нам снится Чернобыль! Чернобыля — нет.

Но дернет машину на мокром асфальте,
навстречу шмелем прогудит БТР.
И солнце алеет на алом закате,
и город открылся, пустынен и сер.
У сердца дозиметр тяжестью страха
на пару минут, до начала работ.
А после не ужас промочит рубаху —
работы соленый и тягостный пот.
На всех навалилось немало работы,
и миг расслабления не выпадет нам:
отныне секунды — особого счета,
порой недоступные лучшим умам.
Какие здесь великолепные люди,
которые были вчера не видны...

И тихо дозиметры каждого судят
на малой модели грядущей войны.

1

Мы были с ними почти соседи.
Радость не раз выпадала мне
с Колесником Ваней, с Черней Федей
подолгу беседовать наедине.
Была душевная скромность присуща
друзьям: были добрыми к другу всегда.
Души поэзия — жизни сущность —
струилась, как из криницы — вода.
Иссохли криницы. В пустыню едем.
Дальнее эхо кочует в песках...
Так рано ушли вы, Ваня и Федя,
задолго до инея на висках...

2

Загуляли друзья ненароком,
в лес осенний навечно ушли.
А без них так порой одиноко,
как сосне среди голой земли.
Кличу их. Но ответа не будет.
А не верится в это душе:
как же так? жили добрые люди,
вдруг ушли — и не встретить уже?!
Дни и месяцы катятся мимо —

все, как было когда-то при них.
Но все больше мне необходимо
перечитывать каждый их стих:
словно слышу и смех, и дыхание,
всей душою удаче их рад...

Зачитался. И Федя, и Ваня
на минуту вернулись назад.

ТРИ ПОГОСТА

Три погоста с трех сторон:
ими город окружен.
И лежат на тех погостах
многие, с кем ел да пил,
в чьих домах бывал я гостем,
с кем душевно близким был.
Три погоста — сто печалей.
Как меня друзья встречали!
Память бережно хранит
в шумной суете столицы
надмогильных плит гранит
и друзей ушедших лица.
Стало частым, к сожаленью,
горькое переселенье
с центра на погосты те —
потому что, прибывая,
годы силы забирают
у живущих в суете.
А порой — как это просто! —
еду я на три погоста,
на автобусах качу
рядом со скорбями всеми,
чтоб побыть немного с теми,
с кем поговорить хочу.
Сон их вечный не нарушу,
облегчу слезинкой душу,

мыслями соприкоснусь...
А потом качу обратно
и в делах невероятно,
просто бешено кручусь.

* * *

С храма, вознесенного во имя,
сняли крест. Храм обратили в склад.
Дефициты делят со своими
те, чьи боги — воровство и блат.
И взамен церковных песнопений
аллилуйю здесь деньгам поют...

В облаков голубоватой пене
бог-отец, бог-сын нашли приют.
Смотрят вниз на голубую землю,
на круги холодных куполов,
беззащитным людям молча внемля:
кто же защитит их от воров?

Интересно жить. Но — тяжело:
 давят беды, наступает зло,
 и опять эпохе под колеса
 лучшие попали, как назло.
 Вроде вместе было нам не тесно,
 каждому всегда хватало места,
 а теперь, расставив локти, прем
 друг на друга грудью, напролом.
 А эффект толпы бывает страшен:
 достается нашим и не нашим,
 и деленье на своих — чужих
 хуже, чем нашествие Батые...
 И грохочут залпы холостые,
 оглушая ужасом живых...

Так много звеньев потерялось
 на протяжении пути,
 что на мгновенье показалось:
 спасенья больше не найти.
 Но мудрецы всегда найдутся,
 пророки слово обретут,
 и люди, поумнев, берутся
 за созиданье — тяжкий труд.
 И вознесут дома, и пищей
 насытят, наконец, детей,
 и дети сытые отыщут
 для развлечений сто затей,
 и вдруг разлентятся — и снова
 начнут сокровища терять...

О боже, как мы бестолковы!—
 ведь внуки голодны опять.

В самом начале над головой
плыло счастливое солнце познания,
волосы пахли травой-муравой,
и распадалось на части дыханье.

Жизнь разбросала нас на вираже.
Думал, что сердце порвется от трещин...
Волосы самой любимой из женщин
стужей январскою пахнут уже.

Что, когда, где и надолго ли?..
Наша пламенная страсть
покатилась плавной Волгою,
чтобы в море не попасть.

По степям катилась солнечным,
по ущельям с шумом вниз.
Мы порогами на лодочке
на бумажной понеслись.

Не боялись, не печалились,
по колено нам вода.
А ушла в пески — отчаялись:
нам без страсти-то — беда.

Мы опять к истокам бросимся,
страсть былую обретем
и на этот раз допросимся,
и до моря доплывем.

Любовь моя останется во мне,
останется в тебе и даже вне
тебя, меня — останется, как песня,
летающая в синем небе,
останется, как василек во ржи,
невяник на лугу,
в лесу — подснежник,
как быстрый ветер, неуклюже-нежно
тебя обнявший... Ну-ка, прикажи
затихнуть песне, не цвести цветам,
отстать, исчезнуть, замолчать ветрам!

Так и любовь моя не подчинится
твоим словам — и будет жить, как птица,
и петь, и плакать, и стучаться в грудь,
и — хочешь или нет! — она однажды
к тебе ворвется радостно-отважно
и озарит, как молния, наш путь.

В тот день, когда тебя не слышу я,
живется мне безмолвно, больно, горько:
я — рыба, чья живая чешуя
сдирается разлукой, словно теркой.

И вновь, и вновь кладу я на весы
любовь и долг, желанья и свершенья,
и вижу, как ничтожны достижения
в последние осенние часы.
Жаль, урожай мой мал. Из-под листья,
из-под воспоминаний и развалин
блеснет порою влажный свет проталин
и огонек мучительной любви.

С этой женщиной тихо расстались, без слов.
Больше встреч не случится.
Любовь отгорела.
Вся огромная стопка наломанных дров
отпылала, а душу, увы, не согрела.

Много нового было потом за года.
Но случается изредка злая минута —
и припомнится женщина эта тогда,
и душа загрузит, защемит почему-то...

Я стал прощаться с вечером всерьез,
 как будто утро недоступным стало.
 А если утро, наконец, настало —
 я рад ему.
 Дожил или дорос
 до пониманья: бездна очень близко.
 Прости-прощай, беспечная пора!
 А временная на земле прописка
 торопит к жизни с самого утра...

Оказалось, что сердце — такое огромное:
 в нем вместились вся жизнь, всей Вселенной
 подобная,
 поместились луга с акварельными красками,
 небеса с облаками, ветрами, дождем,
 и леса с бесконечными синими сказками,
 и дороги, что пройдены или пройдем.

Оказалось, что сердце — такое горячее,
 что за каждую боль острой болью заплачено,
 что за каждое слово заплачено думами,
 за обиды — прощеньем, за поиск — огнем,
 жизнь оплачена не миллионными суммами —
 а сердечностью доброю, вся день за днем.

И когда показалось: душа переполнена,
 набежала любовь, в стенки грохнула волнами,
 отыскалось ей место...
 А сердце спешит,
 поднимает меня — устоять невозможно,
 радо новому, старое свято хранит —
 мое сердце, с которым так сложно...

* * *

Земля, так много бед познавшая,
так много солнца растерявшая,
земля, не знающая сна,
когда на ней шумит весна,
земля, где осень ежечасно
щедра, богата и прекрасна,
земля, где даже нагота,
когда листва отшелестела,
так целомудренно чиста,
как женщины любимой тело...

Прикосновение

* * *

Есть удивительное чувство
прикосновения к искусству,
когда по нескольку часов
стоишь у маленькой картины,
и отворяешь тот засов,
и ту срываешь паутину,
что закрывали много лет
высоких истин мудрый свет.

У «ТРОИЦЫ» РУБЛЕВА

Все беспокойное — успокоится.
Все ненужное — прочь уйдет.

...Скромное золото рублевской «Троицы»
свет спокойный и теплый льет.
Золото крыльев.
Одежды синие.
Грустно склоненные три лица.
Песенно-плавные, триединые,
как мы едины во всем до конца.

То суетливые, то бестолковые —
кто же из нас в этой жизни толков? —
смотрим в глаза мы темно-вишневые,
ищем себя в них и мудрость веков...

* * *

Поверил в детстве — верю и поныне,
что нет цены у скрипки Паганини,
что Пушкина перо всегда бесценно,
кисть Рембрандта и Моцарта рояль.

Никто не купит горы и долины,
шум леса, мая солнечные ливни,
синь васильков во ржи, прибоя пену
и вечера загадочную даль.

Нет, не всеильны торгоши под солнцем:
соль жизни никому не продается!

* * *

Кнут над Мастером не властен:
гонки он не признает.
От сует свободен Мастер,
не свободный от забот.
Тем и люб он людям очень,
что постиг работы смак,
тем отличен он от прочих
подмастерьев-работяг.

НА КОНЦЕРТЕ СТАРИННОЙ МУЗЫКИ

Странный звук у клавесина:
словно клавесин надтреснут,
словно старческое что-то
в тихом голосе его.

Вечер музыки старинной —
словно вечер у камина.
Песенка огня и ветра —
больше ничего.

Тоненько подпела флейта.

Жизнь течет неторопливо.
Ощущение покоя обняло меня всего.
Переливы звуков — это
лишь игра теней и света,
лишь приливы и отливы.
Больше ничего.

Век далекий... Неужели
так спокойно жили люди?

Только я подумал это —
тяжело вздохнул орган.
Сразу ветры загудели,

и в поднявшейся метели
славят клавесин и флейта
бурю-ураган.

Потрясение Вселенной.
Поиск счастья и удачи.
Страстная мечта о лучшем —
человечества мечта.
К цели необыкновенной
гаммы музыки нетленной
звали голосом могучим:
«Здравствуй, высота!»

Связь несвязанных явлений:
век далекий — век двадцатый.
Протянулось между ними наподобие
моста

время, полное сомнений,
поисков и потрясений.
Верстовые вехи — даты.
Дальний путь — мечта.

На погостах старинные храмы
задевают печалью живых:
штукатурка облезла, а рамы
без стекла — что глаза у слепых.

Запустенье. Легко было рушить —
тяжелей из развалин поднять,
в эти храмы вдохнуть наши души
и от храмов душевное взять.

Ветер осени дует упрямо,
в пыль разбиты дожди ноября.
Стороною старинные храмы
год который обходит заря...

Снег мой близок, слишком близок.
Небосвод порой мне низок.
Но упрямо вверх иду,
и снега одолеваю,
в небо плечи упираю
и его приподнимаю —
выше! выше! — на ходу...

Все мимолетно: дни и ночи,
шум капель, свежесть ветерка,
прощанья, встречи...
Только очень
хотел бы взять на все века
всего лишь луч созвездий дальних,
всего лишь милой синий взгляд,
всего лишь слово в час прощальный —
на многие века подряд!..

Все взять с собой: и щит, и меч,
жену, рабов, коня, уздечку!
Кто знает, сколько будет встреч
там, за подземной черной речкой,
где обители теней,
где все от глаз укрыто мглою?
Вождь на земле был всех сильней,
он сильным будет под землею!
Вождя несут... Куда? Что там?

...Безмолвно над курганом небо.
А к безволосым черепам
прижались золотые гребни.
Все исчезает навсегда:
меч проржавел, и щит распался...

Но до заветного пласта
лопаткой человек добрался,
и — да простят вождь и жена! —
был кропотливый поиск долог —
«Могила не ра-зо-ре-на!» —
кричит счастливый археолог.
Как будто годы сбросив с плеч,
он гладит чуткими руками
узорный гребень, ржавый меч,
уздечку с чудо-удилами.

Как мальчик, пуговице рад,
нашел посуду — и смеется.

...Глазницы черепов глядят
на ослепительное солнце.

МОТИВ ЧЮРЛЕНИСА

Тень, как змея, обвила горы,
и коршуном взлетает рок.
Средь луга мальчик-старичок
рвет одуванчики историй
и посылает их лететь
во все концы, до дальних далей...
Но коршуны поналетали
и бьют его, крича: «Не смей!..»

Но зелен лес. Но всходит солнце.
Река играет. И малыш
рвет одуванчики, смеется
и гонит коршунов: «Кыш, кыш!..»

ДВЕ БОГИНИ

Старинный меч и шлем старинный,
чеканные черты лица.
Но равнодушный взгляд Афины
живые тронет ли сердца?

А рядом — мрамор желто-серый,
и тот же век, и тот же час...

Но юное лицо Венеры
и страстный взгляд волнуют нас.

* * *

Итальянские залы.
У картин Боттичелли
ощущаю: столетья прошли мимо цели,
потому что не стал человек ни умней,
ни на йоту красивей,
ни на йоту честней.
И невзятой стоит до сих пор высота —
Боттичеллевых юных мадонн красота.

У твоего высокого порога
 следов, признаться, было слишком много.
 Я тоже отпечатал там свой след.
 Перешагнуть, однако, не решался.
 Он неприступным для меня остался
 и будет неприступным много лет.
 Следы другие были посмелее...
 Но никогда о том я не жалею:
 намного больше ценятся всегда
 порог, который не переступили,
 те берега, куда мы не доплыли,
 та недоступная для рук звезда.

Весеннее время пытаюсь втянуть
 в сентябрьские годы, в осенние дни,
 пытаюсь цветами украсить свой путь,
 где желтые листья летают одни.

Апрельские песни любимой пою,
 весь мир наполняю стихами о ней
 и в сторону осень швыряю свою —
 люблю безоглядной, сильней и нежней.

А если купить не сумею цветов,
 а если растрочен последний мой грош —
 добавлю к дубовым кленовых листов,
 и будет букет мой на диво хорош.

Прими же, любимая, не обессудь,
 весенней улыбкой мой мир озари —
 и будет украшен сентябрьский мой путь
 негаснущим светом апрельской зари.

Ах, Таллинн, Таллинн, милая игрушка,
 где башни, словно строгие старушки,
 стоят под хмурым небом и молчат,
 где Андерсена сказки оживают:
 вот Кай и Герда весело играют,
 вот крыши черепичные сверкают,
 когда дожди по скатам их стучат.

Прохожие спешат. И речь эстонца
 приятно скороговоркой льется.
 В кафе сидят подолгу, не спеша.
 И старый Томас там, под облаками,
 всегда следит с высот веков за нами,
 и, занятая мелкими делами,
 о вечности подумает душа.

Брожу, не уставая, очень долго
 по улице, по паркам Кадриорга,
 к Русалке выйду, где волна шуршит,
 где небо облака сольет с волною,
 раскроется внезапно надо мною —
 и белой ночи свет тепло разлит.

Над Пражским Градом,
 всем ветрам открытый,
 возвысился костел Святого Витта,
 в котором столько кружев из камней,
 и витражей, и сказок из железа,
 в котором все и для души полезно,
 и наполняет ум на много дней.
 Там тысячи святых, свечей миллионы.
 Там узнаешь ты и про время оно
 и про вчерашний день.
 Там без конца
 искусством восхищаешься, с которым
 возведены и стены, и опоры,
 любишь фантазией творца.
 Из поколенья в поколенья люди
 о нем мечтали, как о главном чуде —
 тепло шести веков в него вошло.
 Бегут года над кружевами башен,
 но ход времен ему уже не страшен:
 пред высшей красотой бессильно зло.

И сакура цвела,
и расцвели каштаны,
и был прекрасным Брно
под проливным дождем,
и мы брели сквозь дождь
легко и неустанно,
на брновских площадях
мечтая о своем.
Костелы, приняв дождь
на вековые плечи,
благословляли нас, живущих
в суете,
и наплывал на нас
живой апрельский вечер,
где было хорошо
и сердцу, и мечте.

1

Не могу удержать ни восторга, ни вздоха
от твоей удивительной сказки, Мацоха:
от твоих сталактитов — причудливых гномов,
от твоих сталламитов,
от стен остекленных,
от Провала, где сердце мое улыбнулось
и потоком нахлынувших чувств захлебнулось,
где взметнулись суровые стены могучие,
где улыбка любимой —

как лучик сквозь тучи...

2

В глубине Мацохи, где вода
изваяла привиденья эти —
там «Ромео» тянется к «Джульетте»,
чтоб не дотянуться никогда.

Соляные горькие столбы...

Человек назвал вас не напрасно
символом безжалостной судьбы,
безнадежной веры,
муки страстной.

* * *

Как же густо кровь текла по жилам!
Это годы сделали свое:
наша вера затянулась илом,
показалось даже — нет ее.

Но когда мы встретились однажды,
наша вера возродилась вновь:
потекла по-юному отважно
наша застоявшаяся кровь.

И понятно стало, что от века
счастье, что дорога далека,
что любовь — и вера человека,
и его бессмертье на века.

* * *

На твоих кругах, на твоих орбитах
ровно звездам гореть,
ровно солнцу светить.

На твоих кругах, хоть ветрами битым,
хоть сожженным солнцем — мне бы
рядом быть.

И когда тебе — всякое бывает —
на твоих кругах станет туго вдруг,
пусть печаль твоя мне перепадает —
я приму ее, твой надежный друг.
Я и боль твою заберу всегда,
песню запою — пропадет тоска.

На твоих кругах — рядом сквозь года,
на орбитах твоих — рядом сквозь века...

Что́ остается от гусара,
когда гусару пятьдесят?
Усы, да старая гитара,
да шрамы ноют и болят.

Куда ушло все ретивое?
Где конь и сабля, блеск и шик?
Гусар седую голову,
уостав от прошлого, поник.

Но вот он взял гитару в руки,
но вот вино налил в бокал —
и глубже взгляд, и ярче звуки,
и в голосе его — металл.

Смотрю на милую открыто —
и я опять совсем не стар,
и седина моя забыта —
я вновь боец,
я вновь гусар!

Лишь призови — и конь найдется,
и сабля — по руке всегда,
и молодое сердце бьется,
и наземь сброшены года.

Смотрю, как время быстро нижет
на нитку бусы наших дней —
и не печалюсь: ты — все ближе,
все драгоценней, все родней.

Подталкивает ветер в спину,
торопит жизнь меня: спеши!
Мне все понятнее глубины,
оттенки все твоей души.

Одно лишь жаль: как ни пытаюсь,
как крыльями ни бью — а все ж
до тех высот не добираюсь,
где ты паришь, где ты живешь...

Счастья достается людям мало.
Мне досталось,
не умчалось прочь.
Ты любовь старательно ломала,
а она звездой влетала в ночь.
И живут в ней те же свет и сила,
согревают, далеко ведут...

Ты любовь старательно тушила,
а ее пожары — тут как тут.

Звучит романс — души волшебный
лекарь.

Движенья голых веток за окном,
и шум дождя, и мой любимый том
поэтов девятнадцатого века.

Поэзия России — в редкий час,
когда покойно на душе и мирно,
я принимаю к этой чистой лире,
как к ручейку, душа чтоб напилась,

чтоб от жестоких бурь, тревог, печалей,
разбитых снов, несбывшейся мечты,
от повседневной вечной суеты
и невеселых жизненных реалий

любимые стихи, гитарный звон
вернули мне надежду на удачу
и повернулось многое иначе,
увиделось совсем с других сторон...

Таланту живется непросто:
судьба дарит мало кому
и скатертью — путь,
и по росту
одежку, и жизнь — по уму.

А гению — хуже намного:
счастливых средь гениев нет,
рвет зависть под ними дорогу,
интрига сбивает в кювет.

Так было. Так есть. И так будет.
За что — не узнать, не понять.
Редчайший талант — злобы к людям
и зависти к ним не питать.

Редчайшее счастье — пробиться,
доделать, достроить, дойти,
достичь, самоосуществиться,
простить всех заблудших в пути.

В тоскливый и дождливый день
я хоронил отца.
На всей земле лежала тень
внезапного конца.
Казалось, мир не оживет,
не отряхнет печаль...

Но жизнь стремительно ведет
совсем в иную даль.
А в новых далях — все свое:
печали, счастье, и
чарующее забытьё,
и радости любви.
За солнцем наползает тень,
за тенью — солнца свет...

И лишь отца ни в ясный день,
ни в день дождливый нет...

* * *

Разуверился во многом,
разочаровался.
За порогом на дорогах весь пообнищал.
Без любви и без порога
я теперь остался,
хоть исполнил много больше, чем пообещал.

Ничему теперь не верю — ни словам,
ни взглядам:
слишком часто за надеждой следовал обман.
Слишком часто было счастье близко,
просто рядом.
Приманило, обмануло, кануло в туман...

* * *

Так много мы наделали ошибок:
недодано друг другу сто улыбок,
не сказано друг другу много слов...

А время катит, крутит и уносит,
оно у нас прощенья не попросит
за небогатый жизненный улов.

И жизнь у нас одна.
Другой — не будет.
У нас — не у других! — потом убудет
то, в чем друг друга обокрали мы.

Несказанное слово не вернется,
улыбкой прошлой друг не улыбнется,
свет не прорвется из вечерней тьмы...

ПОКА ТЕБЯ ЛЮБИЛ

Пока тебя любил, во всем на свете
был смысл.
И было в сердце много сил.
И даже на снегу зимой соцветья
весенние шутя я находил.

Пока тебя любил, душа летала,
был легок мне и наш тяжелый век...

Но отошла любовь.
Мне зябко стало:
на всех соцветьях мая — только снег.

* * *

Прощай, любимая, прости...
Ты все свершила, как хотела.
Чуть вспыхнув жарко по пути,
остыли и душа и тело.
Погревшись у огня, сейчас
я в одиночестве замерзну,
хоть только-только свет погас,
хоть и остались наши звезды.
Прощай, любимая! Опять
пытаюсь обрести надежду,
но перед стужей устоять
сейчас мне тяжелей, чем прежде.
Смотрю, как вдаль уходишь ты
походкой легкой и неслышной,
и опадают с высоты
снега, как лепесточки с вишни...

Вихри догадок.
Идей круговерть.
Жизнь удивительна,
великолепна.
Хочется выкинуть чудо-коленце:
взять — да и в старости не умереть!

*** Что будет впереди?..	3
Звездный путь	
*** И в сумрачные дни, когда дожди и грязь...	6
*** На Шорной улице весна звенела...	7
Последние морозы	8
В начале таянья снегов	9
*** Вересковый цвет тугой...	10
*** Когда цветут и вишни, и черешни...	11
*** Сломало яблоню. И в мае...	12
*** Утолить свою жадную душу...	13
*** Свойство юных — беспечно купаться...	14
*** Этих ступенек клавиши...	15
*** Холодный ум. Холодная душа...	16
*** Вдруг сузился мой мир...	17
*** Подозревал ли, что душа...	18
*** Жаркий поток моих слов, взошедший...	19
*** Так случалось со мною, что стразы...	20
Утро на реке	21
В горах	22
*** Горы выгнули длинные спины...	23
Башни Верхней Балкарии	24
*** Ворчливый и умелый ювелир...	26
*** Геологи твердят...	27
*** Приснилось: твои волосы...	28
Уроки Крыма	29
*** Заката догорел костер...	30
Память	31

- На улице 33
- *** За радугу, как за рычаг... 34
- *** Бог Иешуа, Иегова, Будда, Вишну!.. 35
- *** Ты сказала: «Боречка...»... 36
- Нежность 37
- *** В твоих местах невяником зовется... 38
- Ожидание у твоего дома 39
- *** Переплавливая в серебро луну... 40
- *** Напелось, нагулялось лето всласть... 41
- *** Бездонное озеро за Негорелым... 42
- *** Не бросить. Не оставить. Не уйти... 43
- *** Растаяла молодость наша... 44
- *** Как страницы книги, ветер... 45
- *** В сырой и горький молочай... 46
- *** Недолго были мы одни... 47
- *** У наших девочек... 48
- *** Мышка хвостиком махнет... 50
- *** Упасть на мхи, сквозь ветви елей... 51
- *** Итожит осень достижения и утраты... 52
- Межозерье 53
- *** И в белых, и в розовых пышных цветах... 54
- *** Под сосной ли, под березой... 55
- *** Не троньге, годы, милую мою!.. 56
- *** Наступила пора изобилия лунного света... 57
- Горсть брусники в зимний день 58
- Старая береза 59
- *** Угольком, присыпанным золой... 60

Живая земля

- *** Казалось, нет места живого... 62
- И снег сжигали красные огни 63
- *** Человек, которого он предал... 64

- Идеалисты и следователь Хват 65
- Читая «Реквием» Ахматовой 66
- *** Гус, восходящий на костер... 67
- *** И разве ль мы не идиоты... 68
- *** Жизнь доказала нам уже... 69
- *** Мы жили как на гауптвахте... 70
- *** Заочно не дано ни дать, ни взять... 71
- Сорок пять 72
- *** В нашем хоре не солистом... 73
- *** Говорю, как говорили в старину... 74
- *** Цикута многих бед испита мной сполна... 75
- *** Душа всегда ждала чего-то... 76
- Боли 77
- *** Мечутся реки: в ущельях им тесно... 78
- *** Какой бы ни была... 79
- Главный конвейер. Из лирического монолога 80
- Базар в Коканде 87
- *** Коричневый лес. Вертолетные гулы... 88
- Вспоминая друзей-поэтов 89
- Три погоста 91
- *** С храма, вознесенного во имя... 93
- *** Интересно жить. Но — тяжело... 94
- *** Так много звеньев потерялось... 95
- *** В самом начале над головой... 96
- Песня 97
- *** Любовь моя останется во мне... 98
- *** В тот день, когда тебя не слышу я... 99
- *** И вновь, и вновь кладу я на весы... 100
- *** С этой женщиной тихо расстались, без слов... 101
- *** Я стал прощаться с вечером всерьез... 102
- Сердце 103
- *** Земля, так много бед познавшая... 104

Прикосновение

- *** Есть удивительное чувство... 106
У «Троицы» Рублева 107
- *** Поверил в детстве — верю и поныне... 108
- *** Кнут над Мастером не властен... 109
На концерте старинной музыки 110
- *** На погостах старинные храмы... 112
*** Снег мой близок... 113
- *** Все мимолетно: дни и ночи... 114
На раскопках 115
Мотив Чюрлениса 117
Две богини 118
- *** Итальянские залы. У картин Боттичелли... 119
*** У твоего высокого порога... 120
- *** Весеннее время пытаюсь втянуть... 121
*** Ах, Таллинн, Таллинн... 122
Костел Святого Витта 123
Весна в Брно 124
Пещера Мацоха 125
- *** Как же густо кровь текла по жилам!.. 126
- *** На твоих кругах, на твоих орбитах... 127
Романс 128
- *** Смотрю, как время быстро нижит... 129
*** Счастья достается людям мало... 130
- *** Звучит романс — души волшебный лекарь... 131
*** Таланту живется непросто... 132
*** В тоскливый и дождливый день... 133
*** Разуверился во многом... 134
- *** Так много мы наделали ошибок... 135
Пока тебя любил 136
*** Прощай, любимая, прости... 137
*** Вихри догадок. Идей круговерть... 138

Ганкин Б.

Г19 Верность свету: Стихи.— Мн.: Маст. лит.,
1994.— 142 с.

ISBN 5-340-00898-3.

Это книга о людях нелегкой судьбы, которые в любых жизненных обстоятельствах верны любви, добру, творчеству.

В лирическом монологе «Главный конвейер» — основном произведении книги — размышление о нелегком творчестве конструкторов, инженеров, о счастье поиска...

Г 4702010202—066 39—93
М302(03)—94

ББК 84Р7

Литературно-художественное издание

ГАНКИН БОРИС АРОНОВИЧ

ВЕРНОСТЬ СВЕТУ

С т и х и

Минск, издательство «Мастацкая літаратура»

Редактор *Л. В. Дранько-Мойсюк*

Художник *О. И. Карпович*

Художественный редактор *Е. М. Малышева*

Технический редактор *Г. П. Тарасевич*

Корректор *И. Н. Полонейчик*

ИБ № 3675

Сдано в набор 27.05.92. Подп. к печати 19.03.93.
Формат 60×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура тип
Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,50. Усл. кр.-
отт. 4,63. Уч.-изд. л. 3,11. Тираж 1900 экз. Зак. 635.

Издательство «Мастацкая літаратура» Министерства
информации Республики Беларусь. Лицензия ЛВ № 3.
220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Типография им. Франциска Скорины издательства
«Навука і тэхніка». 220067, Минск, ул. Жодинская, 18.